

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Т.Б. РАДБИЛЬ
Нижний Новгород

Глаголы *стоять, сидеть, лежать* в контекстах бытийного употребления

В статье рассматриваются особенности вторичных метафорических употреблений русских позиционных глаголов *стоять, сидеть, лежать* в контекстах реализации семантики бытия или местонахождения. Делается вывод об отражении в этих употреблениях общей тенденции к «телесной воплощенности» представлений о явлениях действительности в русском языке.

Ключевые слова: глаголы «*стоять, сидеть, лежать*», позиционность – локативность, языковая концептуализация мира, русский язык.

Одной из главных черт естественно-языковой концептуализации мира является *conceptual embodiment* – «телесная воплощенность» представлений о явлениях действительности в языке [Лакофф 2011]. Язык моделирует мир в соответствии с особенностями устройства и функционирования человеческого тела. В русском языке имеются яркие свидетельства подобных моделей языковой концептуализации мира, когда бытийные или локативные значения выражаются с помощью так называемых «позиционных» глаголов, т.е. глаголов, обозначающих положение в пространстве человеческого тела, – *стоять, сидеть, лежать*.

Русские глаголы *стоять, сидеть, лежать, висеть* и пр. во вторичных метафорических употреблениях могут обозначать не физическое состояние лица (*человек стоит, сидит, лежит*), а бытие или нахождение где-либо неодушевленного предмета или субстанции:

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филол. наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: radbil@sandy.ru

Букет стоит в вазе; Снег лежит в долине; Заноза сидит в пальце; Картина висит на стене.

Разграничение между первичными и вторичными употреблениями указанных глаголов трактуется как оппозиция «позиционность» / «локативность» (см.: [Рахилина 1998]).

О том, что это именно локативность (как частный случай бытийности), может свидетельствовать простой тест на отрицание, принятый в практике логического анализа естественного языка. Как известно, в семантике любого языкового знака имеются пресуппозитивный и ассертивный компоненты. Тест на отрицание позволяет выявить пресуппозитивный компонент, который не отрицается в отрицательной конструкции, и ассертивный компонент, который, собственно, и подлежит отрицанию. Например, в предложении *Ребенок не лежит в кровати* отрицается его физическое состояние / положение (он, возможно, сидит или стоит). В ассертивном компоненте смысла – именно физическое положение субъекта (*п о з и ц и о н н о с т ь*) в предложении

Снег не лежит в долине отрицается сам факт нахождения снега (его там нет). Аналогично в предложениях *Букет не стоит в вазе; Картина не висит на стене; Птица не сидит на ветке* отрицается само нахождение одушевленного существа / предмета / субстанции в определенном месте, но не его способ. В асертивном компоненте смысла – л о к а т и в н о с т ь.

Локативные употребления глаголов отличаются от первичных, позиционных, не только семантически, но и синтаксически. Общим свойством синтагматического характера, присущим всем случаям употребления глаголов в локативном значении, является наличие обязательной валентности на обстоятельство места или характеристики (образа, способа, степени) состояния. Глаголы в первичном позиционном употреблении в принципе одновалентны – для них обязательна только валентность на субъект:

Мальчик сидит / стоит / лежит.

Глаголы во вторичном локативном употреблении обязательно требуют заполнения обстоятельственной позиции:

а) Птица сидит на ветке; Гвоздь сидит в стене; б) Снег лежит в долине; Путь лежит сквозь туман; Кошелек лежит в кармане; в) Роза стоит в вазе; Вода стоит в пруду.

Обратим внимание, что в этих случаях нет обязательной семантической спецификации для заполнения валентности (например, только место или время) – важно само наличие обстоятельственной валентности, что доказывается невозможностью одновалентного употребления глагола в данном вторичном значении (нельзя просто **Птица сидит...*; *Кошелек лежит...*; *Роза стоит...*)

В целях нашего исследования важно, что подобные модели семантического переноса имеются в разных языках мира, в соответствии с чем оппозицию «позиционность» / «локативность» следует трактовать как универсальный лексический параметр в лексико-семантической типологии при сопоставлении глаголов разных языков мира (см.: [Рахилина, Плунган 2007]).

Действительно, одни и те же предметы, признаки, процессы в разных языках могут концептуализироваться с разной степенью конкретности (см.: [Радбиль 2012]). Так, например, в русском языке есть тенденция в одном и том же слове – глаголе – передавать не только общую идею действия или состояния, но и образ предмета – участника концептуализируемой ситуации: *Книга на столе лежит*, а *Стакан на столе стоит*, тогда как в реальности и книга, и стакан на столе не «лежат» и не «стоят», а просто находятся. Именно эта идея в обобщенном виде отражена в английском или французском языках, где при языковой концептуализации данной ситуации будет ожидаемо избрана чисто бытийная конструкция типа *There is / are...* Так, например, глагол *сидеть* в финальном фрагменте «Пиковой дамы» А.С. Пушкина:

Германн сошел с ума. Он *сидит* в Обуховской больнице в 17 номере... –

вполне ожидаемо передается в английском переводе этого произведения глаголом *to be*:

Hermann has gone mad. He *is* in ward № 17 of the Obukhov Hospital...

Дело в том, что в русских когнитивных моделях концептуализации ситуации нахождения субъекта в каком-либо вместилище вообще обычно («прототипически») имплицитно подразумевается способ основного действия после проникновения, ср.: *сидеть в тюрьме*. В английском в этой позиции идиоматично избираются глаголы *to be*, содержащий общую идею нахождения где-либо: *to be in prison*.

Однако возникает вопрос, почему же Германн все-таки *сидит* в больнице, тогда как идиоматично эта когнитивная модель передается глаголом *лежать* (*в больнице*)? Дело в том, что эта больница – психиатрическая, куда попадают не по своей воле, как в тюрьму, и язык тонко реагирует на эти различия. Ср.:

Он *сидит* в сумасшедшем доме.

С этим, кстати, связана и возможность двойкой концептуализации ситуации с психиатрической больницей, для которой

имеются две разные модели. Так, можно сказать *сидит в психушке*, если подчеркивается принудительный характер местонахождения, но можно сказать и *лежат в психиатрической больнице*, если акцентируется связь с обычной больницей, с идеей лечения.

Данные параллели прослеживаются и в других моделях концептуализации ситуаций. Например, по-русски *сидеть на диете*, а по-английски снова *to be on a diet*. В данном примере, видимо, с помощью выбора данной лексики в русском языке вводится идея дискомфорта ощущения субъекта от длительного нахождения в этом состоянии (по аналогии с *сидеть в тюрьме*). Кстати, и русский видовой коррелирует *сесть на диету* по-английски снова передается глаголом с обобщенной семантикой движения, т.е. активного действия субъекта – *to go: to go on a diet*.

Можно предположить, что во всех рассмотренных случаях в русском языке при концептуализации ситуации выбирается представление о наиболее вероятном способе действия / состоянии субъекта после помещения в данное помещение, наиболее характерном, повторяющемся для него. Кроме того, в идее сидения есть, по-видимому, также импликация несвободы и некоторого связанного с этим дискомфорта, если данное состояние длится неопределенно долгое время:

Мальчик весь день *сидит* дома; Зверь *сидит* в клетке.

В лежании же в течение длительного времени, напротив, просматривается представление о более удобном и естественном положении тела, чем в стоянии или сидении. В свою очередь, наличие потенциально негативных импликаций для ситуации *сидеть* порождают в зоне субъекта такие концептуализации, как *Он сидит на пособии*, когда в модели концептуализации ситуации акцентируется идея переживания субъектом нехватки, недостаточности чего-либо, т.е. опять же некоторого дискомфорта.

Именно поэтому по-русски: *в больницах лежат, в тюрьмах сидят, а в очередях стоят* (даже если это очередь на

квартиру, дящаяся четверть века). Кстати, *на учете* мы тоже *стоим*, тогда как по-английски здесь снова *to be* 'быть': *to be on the books*. Возможна даже определенная градация по «степени дискомфорта»: *лежать* – минимум дискомфорта, *сидеть* – ее максимум, а *стоять* – дискомфортность, так сказать, в средней степени. С одной стороны, ситуацию *стоять* объединяет с ситуацией *сидеть* некое представление о дискомфорте данного состояния, но в *стоять* нет идеи несвободы и определенной принудительности, как в *сидеть*. Зато для *стоять* имеется потенциально позитивная коннотация (в отличие от негативной для *сидеть*), связанная с семантическим компонентом 'занимать какое-нибудь значимое положение, выполнять какие-нибудь важные обязанности': *стоять у власти; стоять во главе учреждения; стоять на страже нравственности*.

Отметим, что в случаях вторичного метафорического употребления позиционных глаголов в разных языках задействованы разные акценты исходной ситуации местонахождения. Так, и в английском языке вместо бытийной конструкции могут употребляться конструкции с позиционным глаголом, но тогда глаголы будут разные: например, возможен выбор глагола *to sit* 'сидеть' там, где по-русски, скорее, надо бы сказать – *стоит*. Ср., например:

The car *sits* in the garage. – Машина *стоит* в гараже; The church *sits* back from the main street. – Церковь *находится* (*стоит*) в стороне от главной улицы.

Очевидно, что в русском и английском языках в указанных случаях по-разному акцентируются разные компоненты исходной прототипической ситуации. В русском языке акцент делается на образ предмета, возможность его вертикального измерения, по тем или иным причинам значимая для носителя языка. В английском языке акцентируется сам факт расположения в каком-либо месте неопределенно долгое время – имплицитруется идея неподвижности, статичности, по образу и подобию соответствующего человеческого физического состояния.

Идея некоторой неподвижности, ста-

тичности, связанная с семантическими дериватами глагола *сидеть*, просматривается и в русских когнитивных моделях ситуации; ср., например:

Птица *сидит* на ветке.

Здесь *сидеть* означает ‘находиться в одном месте неподвижно какое-то время, не передвигаясь, не перемещаясь’.

Таким образом, само присутствие целого класса таких глаголов, причем в разных языках мира, свидетельствует о существовании определенной концептуальной модели перехода «позиционность → локативность». В основе указанной концептуальной модели лежат универсальные механизмы семантической деривации (см.: [Падучева 2004; Кустова 2004]).

Универсальным параметром для модели семантической деривации «позиционность → локативность» при одушевленных актантах является мена тематического класса глагола: принадлежность к классу глаголов положения в пространстве меняется на принадлежность к классу бытийных глаголов (при этом закономерно меняется синтаксическая дистрибуция глаголов). Ср.:

Племянник *сидит* (на стуле). – Племянник *сидит* (в тюрьме).

Для неодушевленных актантов добавляется мена еще одного семантического параметра – таксономического класса участников ситуации:

Мальчик *лежит* на земле (активный субъект занимает горизонтальное положение на поверхности). – Снег *лежит* на земле (вещество занимает какое-либо пространство на поверхности).

Мена таксономического класса участника здесь заключается в том, что в роли субъекта в первом, исходном случае выступает лицо, а во втором случае – ин-активная субстанция (вещество).

Нетрудно видеть, что в случае с неодушевленными актантами концептуализация действительности в языке по типу «телесной воплощенности» принимает, так сказать, «радикальный» характер: и мир неодушевленных вещей (*Кошелек лежит в кармане*), и мир природных явлений (*Снег лежит на земле*), и мир со-

циальных, экономических и других ситуаций (*Деньги лежат на счете*) – осмысляются по образу и подобию человека.

Наши наблюдения показывают, что русский язык существенно дальше, чем западноевропейские языки, продвинулся по пути телесно-воплощенного представления бытия / нахождения существа, предмета или вещества. Это доказывается активностью и «разветвленностью» моделей локативного употребления позиционных глаголов для обозначения самых разных случаев того, что может происходить, случаться с объектами, какие состояния могут испытывать объекты и т.д., что, в свою очередь, свидетельствует об определенной «культурной разработанности» [Вежбицкая 2001] данного представления в среде носителей русского языка.

Ниже мы приводим ряд типовых вторичных метафорических моделей словоупотребления для русских глаголов *стоять*, *сидеть*, *лежать* в локативном значении (только при неодушевленных актантах).

Стоять

(1) для объектов – ‘быть, находиться, иметь место где-либо’:

Стакан *стоит* на столе; Букет *стоит* в вазе.

Здесь можно видеть, как в качестве добавочной характеристики при семантической производности может имплицироваться вертикальное положение объекта;

(2) для субстанций, веществ или состояний – ‘быть, находиться, иметь место какое-либо время’:

В комнате *стоит* табачный дым; В доме *стоит* шум.

Кроме того, может добавочно имплицироваться идея неподвижности, т.е. пространственная характеристика:

Вода *стоит* в пруду;

(3) для объектов, имеющих локативную характеристику, – ‘быть расположенным где-либо’:

Полк *стоит* за рекой; За деревней *стоит* лес;

(4) для природного явления – импликация идеи неподвижности, бездействия:

Погода *стоит* хорошая;

(5) для абстрактного объекта, явления, состояния – ‘находиться в концептуальной сфере в качестве модального атрибута кого-либо / чего-либо’:

Перед нами *стоят* важные задачи; *Стоит* вопрос о дисциплине.

Для абстрактного объекта, переосмысленного в качестве физической субстанции, может имплицироваться идея неподвижности, бездействия:

Инфляция *стоит* [= не растет / не падает]; Работа *стоит*.

По-английски возможно применить *to stand* для обозначения положения в социуме или референтной группе:

He stands first in his class. – «Он первый (дословно: *стоит* первый) в классе».

Глагол *to stand* используется также и в модели концептуализации роста человека:

He stands six feet three. – «Его рост (дословно: он *стоит*) 6 футов 3 дюйма».

Любопытно, что английский семантический дериват при переходе от физического к концептуальному пространству задействует иные в сравнении с русским языком сферы – а именно внутреннее состояние человека. По-английски *to stand* дает целый комплекс метафорических употреблений, объединенных идеей ‘выдерживать, выносить, терпеть’:

I can't stand him. – «Я его не выношу»; *How does he stand pain?* – «Как он переносит боль?»; *Why do you stand for such bad working conditions?* – «Почему ты терпишь такие ужасные условия работы?»

Сидеть

(1) ‘быть, находиться в каком-либо месте, внутри чего-либо; быть помещенным куда-либо’:

Гвоздь *сидит* в стене;

(2) ‘быть, находиться в каком-либо месте’ + добавочная импликация ‘производить определенное впечатление’ (здесь имеется включенная в концептуализацию ситуация позиция внешнего наблюдателя):

Костюм (хорошо / плохо) *сидит*;

Ср. аналогично в английском:

The dress sits till on her. – Платье *сидит* на ней плохо;

(3) ‘быть помещенным, погруженным куда-либо’ (с добавочным компонентом помещения в внутрь) + та же добавочная импликация ‘производить определенное впечатление’:

Корабль глубоко *сидит*;

(4) для абстрактного объекта, явления, состояния – ‘находиться в концептуальной сфере в качестве психического, эмоционального, оценочного, модального и пр. атрибута кого-либо, чего-либо’:

Одна мысль *сидит* в голове.

В английском эта же идея передается за счет глаголов с семантикой ‘лежать’ – *to lie deep (in)* – или даже ‘торчать (← стоять)’ – *to be stuck (in)*:

В голове у него *сидела* мысль. – *The idea was stuck in his mind.*

Однако и здесь наиболее идиоматичный, нейтральный способ представления этой ситуации в английском языке требует использования глагола *to be*.

Обратим также внимание, что во вторичных употреблениях при этом глаголе возможны качественные наречия, характеризующие действие *сидеть*, не свойственные прямому употреблению этого глагола: *хорошо / плохо, глубоко, крепко* и т.д.

Лежать

(1) для конкретного объекта, вещи – ‘быть, находиться’ (в отличие от *сидеть* – без обязательной валентности на помещение внутрь чего-н.):

Книга *лежит* на полке; Вещь *лежит* без употребления.

Ср. английскую параллель:

The newspaper lies on the table. – «Газета *лежит* на столе».

Кстати, для конкретного объекта, вещи – возможно и добавочное значение ‘быть помещенным внутрь’:

Кошелек *лежит* в кармане;

(2) для субстанции, вещества – ‘находиться на поверхности чего-либо, занимать собой пространство на поверхности в чем-либо’:

Снег *лежит* на земле;

(3) для пространственного, географического или природного объекта – ‘быть расположенным где-либо’:

Город *лежит* в долине; Озеро *лежит* в степи;

Ср. английский вариант:

The islands *lie* at the southern end of the Kurile chain. – «Острова *лежат* на юге Курильской гряды»;

(4) для векторного объекта – ‘иметь направление куда-либо’:

Дорога *лежит* через лес; Путь *лежит* на юг.

Ср. английское соответствие:

The route *lies* to the west. – «Дорога прогиралась на запад»;

(5) для объекта социальной действительности – ‘быть локализованным в какой-то сфере’:

Деньги *лежат* на счету.

Здесь можно видеть переосмысление невещественной субстанции как вещества, когда имплицитруется когнитивный признак ситуации – ‘быть в неподвижном положении’;

(6) для абстрактного объекта, явления, состояния – ‘находиться в концептуальной сфере в качестве психического, эмоционального, оценочного, модального и пр. атрибута кого-либо / чего-либо’:

На тебе *лежит* вся ответственность; На родителях *лежат* все заботы о детях; На нас *лежит* долг гражданина; Корень зла *лежит* в безответственности.

Во фразеологизме *Душа не лежит к чему-либо* у глагола неожиданно появляется валентность на направленность действия (возможно, здесь имплицитруется идея ‘быть обращенным лицевой поверхностью к чему-либо’?).

Здесь приведены далеко не все возможные модели концептуализации ситуации посредством семантической деривации глаголов *сидеть*, *лежать*, *стоять*, а только наиболее, на наш взгляд, показательные.

Таким образом, можно утверждать, что несмотря на спорадическое наличие

межъязыковых семантических эквивалентов в русском и английском языках, в основном для концептуализации этой ситуации в разных языках, или избираются разные глаголы физического состояния, или какой-либо язык может вообще не реализовать для концептуализации этой ситуации выбор глагола физического состояния.

В целом следует отметить, что в русском языке абстрактная идея «быть» / «находиться» имеет последовательную тенденцию идиоматично интерпретироваться посредством конкретных прототипических физических состояний человека «сидеть», «лежать», «стоять», чувственно воспринимаемых и наблюдаемых.

Подобный тип «телесной» языковой концептуализации во многом имеет универсальный характер, а в диахроническом плане он, по-видимому, был естественным образом присущ всем без исключения языковым сообществам на ранних этапах их развития. И только в процессе развития цивилизации и культуры семантические сферы многих языков эволюционировали и далеко прошли по пути схематизации и рационализации моделей языкового освоения мира (в частности, современные западноевропейские языки). Русский же язык во многом сохраняет именно архаичные, телесно-чувственные способы языковой концептуализации действительности по образу и подобию человека.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М., 2004.

Лаккофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М., 2011.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. – М., 2012.

Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять*, *лежать*, *сидеть* и *висеть* // ВЯ. – 1998. – № 6.

Рахилина Е.В., Плунгян В.А. О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М., 2007.